

Социал-традиционализм А. В. Щипкова

Аннотация. Александр Владимирович Щипков — известный российский православный философ и общественный деятель. Несколько лет назад вышла его программная работа — монография «Социал-традиция». Она посвящена изложению его концепции социал-традиционализма.

Щипков отмечает в ней, что либерализм перестал быть одной из идеологий модерна, а превратился фактически в «язык современного западного мира», поглотил идеологии, которые ранее были его альтернативами, — социализм и правый консерватизм. Опираясь на идеи мир-системного анализа Валлерстайна, Щипков опровергает «теорию двух тоталитаризмов».

Альтернативу либерализму Щипков видит в христианской моральной экономике, в консервативном социализме. Социализм не сводится к советскому, «реальному социализму». Щипков указывает на «вариации на тему социальной справедливости» в «Деяниях апостолов», у учителей и отцов Церкви, на Византию и на традиции русской крестьянской общины, на западные государства «всеобщего благосостояния». Щипков признаёт наличие социалистической струи в СССР, но не столько в советском, марксистском государстве, сколько в советском обществе, многое перенявшем от духа крестьянского «мира».

Недостаток советского социализма Щипков видит в отрыве от национальной традиции, в попытке сделать стрелецкое государство социальной справедливости не русские национальные ценности, а «пролетарский интернационализм».

По А. В. Щипкову, сейчас происходит «поворот к традиции» в мировом масштабе. Но традиция и традиционализм бывают

разными. А. В. Щипков противопоставляет «правому», геноновскому и неопротестантскому, либеральному традиционализму «левый традиционализм», стоящий на апостольском христианстве, идее коллективного спасения, нравственности, творчестве, техническом прогрессе, моральном государстве, солидаризме, эгалитаризме, демократии. Это он и называет социал-традиция.

В рецензии высказывается мысль, согласно которой в случае христианской картины мира следует говорить не только о традиции, но и о социальном творчестве.

Ключевые слова: Щипков А. В., левый консерватизм, социал-традиция, либерализм, тоталитаризм, мир-системный анализ, антиколониализм, христианская моральная экономика, демократия, консервативный социализм, христианское социальное творчество

Для цитирования: Вахитов Р. Р. Социал-традиционализм А. В. Щипкова // Ортодоксия. — 2022. — № 2. — С. 93–103. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-2-93-103

О левом консерватизме последние 20–30 лет в России говорится и пишется много. Есть даже политические силы, которые объявляют левый консерватизм своей программой (например, КПРФ). Нет недостатка и в политиках, общественниках, публицистах, объявляющих себя левыми консерваторами, — это и Виктор Милитарев, и Илья Смирнов, и Михаил Хазин, и многие другие. Среди них выделяется имя Александра Владимировича Щипкова. Александр Владимирович — известный российский философ и общественный деятель, принадлежащий к старшему поколению, сформировавшемуся ещё в советские времена, помнящему эпоху гонений на веру и на инакомыслие. В 1970–1980-е годы он был духовным чадом священника Димитрия Дудко, членом подпольного христианского семинара, организованного Александром Огородниковым, автором самиздатовского, христианского журнала «Община». За это он был исключён из вуза, вплоть до 1992 года не имел возможности официально учиться и заниматься интеллектуальными профессиями, работал шофёром, слесарем, сварщиком...

После падения СССР его стали активно печатать в общественно-политических и научных изданиях. Теперь он — известный учёный, общественный деятель, первый заместитель председателя Синодального отдела

по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ, имеет множество званий, обладатель различных премий (премии Союза журналистов России «Золотое перо России» за 1997 год, премии фестиваля «Вера и Слово» за 2010 год, литературной премии журнала «Москва» за 2013 год и др.).

При таком биографическом бэкграунде ему, казалось бы, есть за что не любить советскую власть. К тому же в диссидентском движении участвовали его жена и мать, последняя — известный российский лингвист, получила 3 года лагерей как религиозный диссидент... И тем не менее, в отличие от многих нынешних антисоветчиков, при власти КПСС весьма преуспевавших, Щипков занимает левоконсервативные позиции и для оценки СССР у него находятся не только слова осуждения. И его оценкам веришь больше, потому что за ними — не комплексы всегдашних конформистов, колеблющихся вместе с линией правящей партии, а экзистенциальный опыт человека, честно ищущего истину и пострадавшего за свои взгляды.

Перу Щипкова принадлежит много статей и книг. В том числе в 2017 году, в издательстве Московского университета, вышла его программная работа — монография «Социал-традиция». Она посвящена изложению его концепции социал-традиционализма. Как правильно заметил Ю. В. Пуцаев¹, это развитие концепции левого консерватизма Щипкова, я бы даже сказал, её теоретическое углубление.

Прежде всего, в книге подробно анализируется феномен либерализма, который перестал быть одной из идеологий модерна, а превратился фактически в «язык современного западного мира», задающего угол рассмотрения всего. Либерализм поглотил идеологии, которые ранее были его альтернативами, — социализм и правый консерватизм, они превратились в правое и левое крылья либеральной парадигмы. При этом современный либерализм отличается от своей ранней вариации, бывшей «идеологией свободы и прав человека». Жрецы либерализма, как заметил один современный философ, по своему разумению выдают теперь неравные дозы общечеловечности разным народам и странам. В итоге оказывается, что одни народы достойны того, чтоб на них распространялись «священные формулы» человеческих прав, а другие «достойны» лишь поношения в либеральных СМИ и «гуманитарных интервенций» с бомбардировками городов... Либерализм, замечает Щипков, вполне совместим

¹ См. эту статью в данном номере: Ю. В. Пуцаев. Программа левоконсервативного синтеза или социал-традиции А. В. Щипкова: её возможности, условия и трудности.

и с теориями расового превосходства (вспомним идеологию «бремени белого человека» в либеральной Британской империи), и с агрессивными захватническими войнами, и с переделом собственности, и с государственно-плановыми экспериментами... Щипков идёт даже дальше и говорит об универсальном характере либерального тоталитаризма в XX веке...

Дело в том, что российский философ активно использует в своём исследовании методы школы мир-системного анализа (МСА). Он подробно описывает концепции И. Валлерстайна и С. Амина, показывает, как с их точки зрения доказывается провальность стратегии «догоняющей модернизации» и как, пускаясь в гонку за Западом, но по его правилам, страны периферии обрекают себя на «вечное отставание». В общем-то, консерватор Щипков разделяет точку зрения тех левых и социалистов, которые считают, что секрет ликвидации экономической зависимости от западного капитализма состоит в отключении от капиталистической мир-экономики и стремлении создать свою, альтернативную мир-экономику. Он согласен с Валлерстайном в том, что такое отключение в истории Советского Союза было недолгим и что уже с ленинским НЭПом он вернулся в мир-экономику Запада как его периферия...

Близки ему и идеи американского неомарксиста о том, что «ленинизм представлял собой более энергичную и воинственную форму антиколониальной борьбы, чем вильсонизм», а также о том, что традицию нужно рассматривать «не в отрыве от истории, а внутри истории, в транс-историческом ключе» (Щипков 2017: 171). Русский левый консерватор отмечает, что левый теоретик Валлерстайн относится к традиции с большей бережливостью, чем иные правые...

При этом интересно заметить, что Щипков считает даже Валлерстайна одним из предтеч парадигмы левого консерватизма, поскольку его концепция возникла в результате соединения теорий империализма Ленина и Люксембург и идей французской школы «Анналов», члены которой (к примеру, Ф. Бродель) хотя и симпатизировали Марксу, но марксистами, строго говоря, не были. Щипков пишет: «Одна из её (школы МСА. — Р. В.) особенностей — это синтез левых, отчасти неомарксистских, и умеренно консервативных исторических концепций, к которым в основном следует отнести представителей французской школы “Анналов”. В частности, И. Валлерстайн, признанный лидер мир-системщиков, признавал, что его теория может восприниматься как “левоконсервативный” синтез» (Щипков 2017: 37).

Опираясь на идеи Валлерстайна, Щипков опровергает «теорию двух тоталитаризмов», согласно которой в XX веке были «два тоталитарных режима — советский и нацистский» и был «открытый», гуманный демократический Запад. В действительности, по Щипкову, XX век — век либерального тоталитаризма. И Германия Гитлера, и СССР Сталина были лишь частью либерально-глобалистского проекта: «Теорию двойного тоталитаризма пора признать несостоятельной. В действительности есть только один тоталитарный режим — либеральный. Фашизм и коммунизм являются не его конкурентами, а его составными частями. Первый представляет собой ядро, а второй — периферию. СССР стал хотя и удалённой, но полноценной частью проекта модерна (секулярного либерализма)» (Щипков 2017: 99). Причём, вопреки Попперу и нашим антисоветчикам, Щипков более тоталитарным считает не сталинский СССР, а гитлеровскую Германию, потому что она была «более западной»: «...Третий рейх попытался осуществить слом системы, овладев европейским хартлендом. Вполне очевидно, что Третий рейх был бесчеловечнее, а значит, и либеральнее своих истинных и мнимых оппонентов» (Щипков 2017: 100).

По Щипкову, либеральный западный тоталитаризм не изменил свою природу и в XXI веке, и Евромайдан 2014 года есть не что иное, как агрессия либерального Запада против России.

Альтернативой либерализму является христианская, моральная экономика, которую Щипков описывает в 5-й главе своей книги. Перед нами концепция традиционалистского солидаризма и даже социализма и критика капитализма с позиций православной этики. Важно заметить, что социальный идеал Щипкова — вовсе не ретроспективный, он устремлён не в прошлое, а в будущее. Это выражается, например, в его подчёркнутом немонархизме: «Христианское государство вовсе не обязано быть монархией. Ведь христианская община была выборной, а не династической и уж точно не сословной» (Щипков 2017: 122). Опора на традицию, здоровый консерватизм, согласно Щипкову, очень важны, но «в рамках системного традиционализма традиция одновременно и устойчива, и изменчива» (Щипков 2017: 123). Традиция, по русскому мыслителю, — всеобщее достояние, а значит, она — основа христианской демократии.

Однако это не буржуазная, а конечно же солидаристская демократия. А. В. Щипков не согласен с отождествлением социализма лишь с советским атеистическим, марксистским социализмом. «Социализм представлен в истории не одной лишь советской и современными ей китайской,

кубинской, корейской и другими версиями и не только трудами некоторых западных левых авторов», — пишет он (Щипков 2017: 152). Он указывает на «вариации на тему социальной справедливости» в «Деяниях апостолов», у учителей и отцов Церкви, на Византию и на традиции русской крестьянской общины, на западные государства «всеобщего благосостояния». Щипков признаёт наличие социалистической струи в СССР, но не столько в советском марксистском государстве, сколько в советском обществе, многое перенявшем от духа крестьянского «мира». В связи с этим А. В. Щипков не приемлет большую часть современной критики СССР, поскольку справедливо полагает, что она производится в интересах финансово-олигархических кланов, дабы объявить «социальные блага наследием «страшного, варварского совка» (Щипков 2017: 154). В действительности же эти блага в форме бесплатных и общедоступных образования, медицины были как раз положительной стороной, достижениями советской цивилизации. Недостаток советского социализма Щипков видит в другом — в отрыве от национальной традиции, в попытке сделать стрелом государства социальной справедливости не русские национальные ценности, а «пролетарский интернационализм». «Проект, провозгласивший отказ от национальной традиции, в конечном счёте был обречён, — констатирует Щипков, но тут же подчёркивает: — ...Но это не означает принципиальной невозможности построить социализм: видим успешный пример КНР, которая сохранила свою модель развития, переведя её на рельсы китайской конфуцианской традиции» (Щипков 2017: 155).

Отказ от лучшего в советском социализме, переход к «дикому капитализму» при сохранении антинациональной линии в политике, что произошло в 90-е, Щипков признаёт роковой ошибкой «постсоветских реформаторов». По мнению мыслителя, сегодня востребована идея «консервативного социализма», который нельзя путать «с такими понятиями, как «реставрация», «возвращение к прошлому» (Щипков 2017: 162).

Очень интересны мысли А. В. Щипкова о «повороте к традиции» в мировом масштабе. Действительно, мы наблюдаем растущий интерес к религии, к различным духовным поискам, к обычаям и культурам традиционного мира, причём не только в России, но и на Западе. Но традиционализм бывает разным. «Поворот к традиции неизбежен, — подчёркивает русский философ. — Вопрос лишь в том, будет ли он связан с возрождением пещерных нравов — этой тёмной изнанки традиционализма — или традиционализм окажется социальным и цивилизованным»

(Щипков 2017: 168). Тёмный, пещерный традиционализм, согласно Щипкову, — это мутная волна оккультизма, идей нью-эйдж, американского неопротестантизма, который пытается стать базой «нового консерватизма» (а на самом деле — неолиберализма под маской консерватизма). Вместе с тем «под цивилизованным традиционализмом следует подразумевать ценности, нормы и принципы объединения людей, которые, с одной стороны, отложились в историческом опыте “высокой культуры”, а с другой — породили формы социума, препятствующие социальному расслоению и угнетению (общинные, солидарные и т. п.). В Европе этому условию удовлетворяет определённая часть христианской традиции, в Китае — конфуцианства, на Ближнем Востоке — ислама» (Щипков 2017: 168).

А. В. Щипков противопоставляет «правому», геноновскому и неопротестантскому, либеральному традиционализму «левый традиционализм», стоящий на апостольском христианстве, идее коллективного спасения, нравственности, творчестве, техническом прогрессе, моральном государстве, солидаризме, эгалитаризме, демократии (Щипков 2017: 172).

Правый и левый традиционализм сегодня противостоят друг другу, и в этом и состоит борьба за истинную традицию: «Первый стремится привести Запад к техноязыческому “новому Средневековью” без христианства. Второй стремится восстановить в правах отвергнутый проектом Просвещения христианский этический слой европейской традиции, включив его в современность в цивилизованных, социально ориентированных формах, без фундаменталистских крайностей» (Щипков 2017: 175). Левый традиционализм и является социал-традицией. Социал-традиционализм Щипков рассматривает как выход из «конца истории», который провозгласил неолиберализм. При этом социал-традиция — это не консервация неких культурных ценностей, а «движущая сила истории», «социокультурная динамика».

Работа Щипкова о социал-традиции будит мысль. С чем-то хочется не согласиться (что нормально и означает, что речь идёт о оригинальной и творческой идее). Я, например, не разделяю мысль Валлерстайна о том, что СССР был частью мир-системы капитализма. Будь оно так, с чего бы советская цивилизация вызывала такую ненависть Запада, развернувшего в конце 1940-х холодную войну против бывшего союзника по борьбе с нацизмом?

Не могу согласиться и с характеристикой Р. Генона как «правого» политического мыслителя. Мне кажется, здесь с автором сыграл злую

шутку гипноз дугинского прочтения Генона. В одной из своих статей я уже попытался доказать, что Генон был крайне далёк от политики и в том числе от «политического правого традиционализма»². Ну и если уж совсем быть педантичным, Марк Сэджвик, которого Щипков поставил в один ряд с Юлиусом Эволой и Аленом де Бенуа (Щипков 2017: 169), — никакой не «идеолог традиции», а исследователь традиционализма как феномена современной западной религиозно-мистической контркультуры.

Наконец, вызывает сомнение сам термин «социал-традиция». Как верно замечает сам автор, традиция и традиционализм ассоциируются с неким неизменным внутренним ядром культуры (в случае Генона — даже со сверхчеловеческим знанием, «*philosophia perennis*», уходящей своими корнями в предысторию). Щипков же говорит об ином — о творческом заряде христианской культуры. Христианство действительно исторично (недаром же в Символе веры упоминается римский наместник Понтий Пилат и таким образом указываются точные временные координаты Боговоплощения). Христианство повествует не просто о вневременной, внеисторичной Истине, но о вмешательстве Бога в исторический процесс, об излиянии Божественной Любви в историю, которая таким образом преобразуется и приобретает смысл и цель. Христианство привносит даже идею прогресса, только, конечно, не того урезанного, светского прогресса, о котором толкуют либерализм и коммунизм, а того прироста святости и добра, которым Церковь, Град Божий, отличается от Града Земного, вырождающегося и разрушающегося. В этом смысле христианство больше чем традиционализм, больше чем сохранение традиции и традиционных ценностей (хотя и не исключает ни того, ни другого, ибо сказано: «Не думайте, будто Я пришёл отменить Закон или пророков. Нет, Я пришёл не отменить их слова, а исполнить» (Мф. 5: 17)). В этом смысле можно говорить не только о социал-традиции, но и о социальном и экзистенциально-нравственном творчестве, и в связи с этим можно ставить вопрос и о христианском институциональном социальном делании, о христианском социализме, хотя это тоже не такой простой вопрос. Мне кажется, это имел в виду автор, просто выбрал для этого не очень удачный термин ввиду современной моды на традиционализм (тоже, естественно, нужный и важный).

² Р. Вахитов. Был ли Рене Генон традиционалистом?// Русская истина. — 2023. — 1 апреля. — URL: <https://politconservatism.ru/articles/byl-li-rene-genon-traditsionalistom> (дата обращения: 12.09.2022).

Напоследок поделюсь и своим ощущением от выражения «христианская демократия», которое часто употребляет автор, характеризуя своё политическое кредо. Я понимаю, о каком положительном содержании этого понятия идёт речь, но лично у меня (может, это неверно и субъективно!) оно вызывает всё же ассоциации с протестантским мировоззрением, ибо протестантизм с его отрицанием священства и церковной иерархии, строго говоря, и есть радикальный проект христианской демократии. Автор этих строк всё же вырос на платонической критике демократии (которая, кстати, не так уж и проста, ибо Платон был и критиком тирании и даже указывал на диалектику второго и первого).

Впрочем, это — сфера обмена мнений, дискуссий, наличие которых — верный признак того, что перед нами интересное, оригинальное и полезное исследование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Щипков А. В. Социал-традиция. — М. : АСТ-ПРЕССА КНИГА, 2017. — 320 с.

Сведения об авторе:

Вахитов Рустем Ринатович — кандидат философских наук, доцент факультета философии и социологии Уфимского университета наук и технологий, 450076, Россия, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Заки Валиди, 32, e-mail: rust_r_vahitov@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 13.10.2022; одобрена после рецензирования 03.11.2022; принята к публикации 24.12.2022.

Alexander Shchipkov's Social Traditionalism

R. R. Vakhitov

UFA UNIVERSITY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY,
UFA, RUSSIA

Abstract. Alexander Vladimirovich Shchipkov is a famous Russian Orthodox philosopher and public figure. A few years ago, his keynote monograph *The Social Tradition* was published. It is focused on the presentation of his concept of the social traditionalism.

In it, Shchipkov notes that liberalism has ceased to be one of modernist ideologies. It actually has turned into the language of the modern Western world and absorbed the ideologies that were previously considered as its alternatives: socialism and right-wing conservatism. Guided by the ideas of Wallerstein's world-system analysis, Shchipkov refutes the theory of two totalitarianisms.

Shchipkov sees the Christian moral economics and the conservative socialism as the alternative to liberalism. The socialism is not reduced to the Soviet-type "real socialism". Shchipkov points to "variations on the theme of social fairness" in the "Acts of the Apostles", among teachers and fathers of the church. He also highlights Byzantium, the traditions of the Russian peasant community, and Western "general welfare" states. Shchipkov gives weight to the presence of a socialist stream in the USSR. Not in the Soviet Marxist state, but in the Soviet society, which adopted a lot from the spirit of the peasant world.

Shchipkov considers the following disadvantages of the Soviet-type socialism: the isolation from the national tradition and the attempt to use the proletarian internationalism instead of Russian national values when building the core of the state of social fairness.

According to Alexander Shchipkov, the turn to tradition is now taking place on a global scale. However, tradition and traditionalism can be different. Alexander Shchipkov counters the right-wing,

guénonian and neo-Protestant liberal traditionalism with the left-wing traditionalism resting upon the apostolic Christianity, the idea of collective salvation, morality, creativity, technological progress, moral state, solidarism, egalitarianism, and democracy. This is what he calls the social tradition.

The review suggests the idea that the Christian worldview expects one speaking not only about tradition, but also about social creativity.

Keywords: Shchipkov A. V., left-wing conservatism, social tradition, liberalism, totalitarianism, world-system analysis, anti-colonialism, Christian moral economics, democracy, conservative socialism, Christian social creativity

For citation: Vakhitov, R. R. (2022). Alexander Shchipkov's Social Traditionalism. *Orthodoxia*, (2), 93–103. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-2-93-103

REFERENCES:

Shchipkov, A. V. (2017). *Sotsial-traditsiia* [Social Tradition]. Moscow: AST-PRESSA KNIGA. [In Russian].

About the author:

Rustem Rinatovich Vakhitov — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Faculty of Philosophy and Sociology, Ufa University of Science and Technology, 32, Zaki Validi street, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia, 450076, e-mail: rust_r_vahitov@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 13.10.2022; approved after reviewing 03.11.2022; accepted for publication 24.12.2022.